

Воспоминанія объ Андреѣ Николаевичѣ Красновѣ.

Въ 1890 году, отправляясь въ г. Харьковъ, гдѣ я состоялъ студентомъ Ветеринарнаго Института, я получилъ порученіе отъ Михаила Ивановича Краснова познакомиться съ его племянникомъ Андреемъ Николаевичемъ Красновымъ, назначеннымъ профессоромъ въ Харьковскій Университетъ.

Семья Красновыхъ представляетъ много общихъ типичныхъ особенностей и характерныхъ чертъ, свойственныхъ всѣмъ ея членамъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться и, повидимому, наслѣдственныхъ. Въ виду того, что отсюда дѣлаются понятными и нѣкоторыя индивидуальныя особенности А. Н., частью, сильно вредившія ему въ его научной дѣятельности, я позволяю себѣ остановиться на личности покойнаго Михаила Ивановича, какъ очень яркаго представителя названной семьи.

Впервые я встрѣтилъ Михаила Ивановича въ Таганрогскомъ округѣ, тогда Міусскомъ, въ имѣніи его зятя при слободѣ Амвросіевкѣ. Его личное имѣніе примыкало непосредственно къ слободѣ Амвросіевкѣ, но въ то время оно уже не принадлежало ему. Михаилъ Ивановичъ былъ однимъ изъ идеалистовъ шестидесятыхъ годовъ. Высоко образованный, культурный въ лучшемъ значеніи слова, гуманный человѣкъ, онъ обладалъ необыкновенной довѣрчивостью къ людямъ. Имѣя юридическое образованіе (правовѣдѣніе), М. И. не пошелъ по обычной дорогѣ, а поступилъ въ непремѣнные члены по крестьянскому присутствію, чтобы быть ближе къ тому населенію, на хребтахъ котораго создавалось дворянское землевладѣніе и, какъ ему казалось, которому каждый дворянинъ обязанъ своимъ родовымъ благополучіемъ. Владѣя своимъ родовымъ имѣніемъ, онъ, какъ свидѣтельствовали сосѣди, никогда не чувствовалъ себя его собственникомъ. Опытъ веденія хозяйства собственными средствами приводилъ къ обкрадыванію его прикащиками и другими наемными людьми. Это заставило его перейти къ раздачѣ земли въ аренду крестьянамъ, но, зная его личный характеръ, никто изъ крестьянъ не хотѣлъ платить аренды. Въ послѣдніе годы

дѣло доходило до того, что у М. И., собственника двухъ тысячъ десятиной земли, никогда не было ни копѣйки денегъ при самой строгой, даже бѣдной, обстановкѣ жизни. Крестьяне платили за аренду земли яйцами, курами, молокомъ и другими продуктами. Но къ концу каждаго года М. И. оказывался неоплатнымъ должникомъ деревенскихъ проходимцевъ. Однако, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что его обираютъ и обманываютъ. М. И. видѣлъ, что окружающіе крестьяне остались послѣ 61 г. безъ земли и потому чувствовалъ на себѣ вину родителей. Въ конечномъ результатѣ онъ счелъ за лучшее исправить сдѣланную несправедливость и отдалъ свою землю крестьянамъ села Красновки.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, къ которымъ относятся описываемыя событія, М. И. встрѣтился въ слободѣ Амвросіевкѣ съ другимъ идеалистомъ — священникомъ Л., съ которымъ они пытались создать настоящую крестьянскую общину — коммуны. Общественныя запашки, общая уборка, равный раздѣлъ полученнаго сбора, общественный запасной магазинъ, общественныя зимнія работы на камнеломняхъ, на известковыхъ ломкахъ, причемъ всѣ эти работы производились подъ непосредственнымъ руководствомъ священника Л. и подъ защитой и отвѣтственностью передъ администраціею Михаила Ивановича, создали изъ бѣднаго разореннаго села — обезпеченныхъ жителей, удвоившихъ свое земельное имущество, имѣющихъ школу, чайную съ читальней съ характеромъ клуба, гдѣ каждый вечеръ въ зимніе мѣсяцы вели собесѣдованіе съ крестьянами М. И. и священникъ Л. Къ сожалѣнію, такое благополучіе, по справедливости оцѣненное крестьянскимъ населеніемъ, было оцѣнено духовной администраціей иначе. На мѣсто священника Л. былъ присланъ другой, который постарался вымести даже воспоминаніе о бывшей жизни, а своими доносами постарался нагнать панику на мѣстное населеніе.

Увлекающійся всякой идеей, М. И. такъ глубоко уходилъ въ мысленную разработку каждой идеи, что въ такіе моменты ничего не замѣчалъ изъ окружающей жизни. Къ тому же онъ отъ природы обладалъ колоссальной разсѣянностью, о которой ходили анекдотическіе рассказы. Такъ какъ разсѣянность являлась характерной чертой всѣхъ членовъ семьи Красновыхъ въ томъ числѣ и Андрея Николаевича, то я позволяю себѣ сообщить нѣсколько примѣровъ, показывающихъ до какихъ доходила она размѣровъ.

Отправляясь по дѣламъ службы на самое короткое время въ сосѣднюю слободу верстъ за 20—25, М. И. часто начиналъ

собираться съ 5 ч. утра, набивая всѣ свои чемоданы и мѣшки своимъ имуществомъ. Наконецъ, къ 12 час. дня, когда ямщикъ, потерявъ терпѣніе и проголодавшись, заявлялъ, что онъ уѣдетъ обратно домой, вещи укладывались въ почтовый тарантасъ. Кое-какъ усаживался и самъ М. И. съ книгой въ рукахъ. Но такъ какъ сидѣть было неудобно, то, отѣхавши двѣ, три версты, онъ вставалъ и двигался впередъ пѣшкомъ, приказывая ямщику ѣхать за нимъ. М. И. медленно двигался, читая, а ямщикъ засыпалъ на козлахъ. Лошади при случаѣ свертывали на дорогу къ своему дому и спустя нѣкоторое время, оглядываясь кругомъ, М. И. оставался въ степи одинъ безъ признаковъ лошадей и какого-либо жилья на горизонтѣ.

Другой случай, неоспоримость котораго я могу подтвердить. Ужиная однажды у своихъ хорошихъ знакомыхъ, М. И. былъ оставленъ ночевать, такъ какъ шелъ сильный дождь. Онъ изъясилъ свое полное согласіе; но, когда хозяева были заняты другими гостями, М. И. незамѣтно исчезъ. Послѣ разѣзда всѣхъ гостей хозяева были увѣрены, что М. И. забылъ о своемъ согласіи и легли спать. Черезъ нѣкоторое время они были разбужены звонками и стукомъ. Оказалось, что это М. И. Удивленные, они встрѣтили его вопросомъ, гдѣ онъ былъ. На это М. И., какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣтилъ, что онъ ходилъ домой предупредить, что онъ не будетъ ночевать.

Торопясь на засѣданіе въ Дворянское Собраніе, М. И. кладетъ шапо-клякъ на полъ, беретъ калошу подъ мышку и, принявши подходящий моменту видъ, входитъ торжественно въ Собраніе, и т. д.

Исполняя обязанности почетнаго мирового судьи, М. И. осаждался въ воскресные и праздничные дни массою съѣзжающагося крестьянскаго населенія. Къ нему шли со всѣми своими нуждами и тяжбами. Очереди ожидали до поздней ночи. И никто изъ пріѣхавшихъ не уѣзжалъ неудовлетвореннымъ. Я не слышалъ отъ крестьянъ ни одного случая, когда бы М. И. не примирилъ тяжущихся. Любопытно, что, будучи смиренѣйшимъ человѣкомъ, въ моментъ суда онъ сердился, кричалъ, но заканчивалъ всегда тѣмъ, что заставлялъ примиренныя стороны въ знакъ исполненія принятаго рѣшенія цѣловать Евангеліе.

М. И. закончилъ свою жизнь, какъ это и всегда бываетъ съ людьми его склада и мышленія, въ крайней бѣдности, редакторомъ провинціальной газеты въ одномъ изъ самыхъ меркантильныхъ городовъ Россійской Имперіи — въ борьбѣ за общечеловѣческіе идеалы и мѣстные общественные интересы.

Когда я впервые встрѣтился съ Андреемъ Николаевичемъ Красновымъ, онъ былъ молодымъ человѣкомъ, полнымъ энергіи и желанія работать на научной и общественной почвѣ. Онъ только-что возвратился изъ заграничной командировки въ Западную Европу. Какъ самобытная оригинальная натура, много путешествовавшій передъ тѣмъ по востоку, А. Н. не былъ очарованъ западомъ. Западная Европа производила на него гнетущее впечатлѣніе своей законченностью, шаблонностью и отсутствіемъ размаха. Установившіяся нормы, въ которыя вложилась вся сложная жизнь запада лишь съ небольшими коррективами, вносимыми текущей жизнью, вообще производятъ на всѣхъ русскихъ впечатлѣніе жизни по указкѣ, подъ руководствомъ строгой бонны или гувернантки. Естественно, что послѣ Тянь-Шаня попасть въ прилизанные парки съ подстриженными деревьями, съ отшлифованными дорожками въ Европѣ представляетъ мало привлекательнаго и интереснаго для ботаника и географа.

Харьковъ съ его общественной жизнью не произвелъ на А. Н. притягательнаго впечатлѣнія; много лѣтъ онъ стремился попасть въ Петроградъ, гдѣ, кромѣ Географическаго общества, онъ рассчитывалъ принимать участіе въ другихъ научныхъ обществахъ, встрѣчаться и обмѣниваться съ людьми, работающими въ тѣхъ же областяхъ знанія.

Вначалѣ своей дѣятельности, чувствуя нѣкоторое одиночество, онъ весь отдался своему университетскому курсу, при чемъ одинъ изъ первыхъ устроилъ въ Университетѣ коллоквиумы со студентами по географіи, какъ университетской наукѣ, а затѣмъ началъ устраивать ежегодно экскурсіи со студентами по Кавказу и Черноморскому побережью. Эти поѣздки представляли такъ много новаго, интереснаго, что служили всегда темою для обсужденія мѣстнымъ обществомъ и прессою.

Онъ много говорилъ тогда о необходимости организацій образовательныхъ экскурсій по Россіи, Европѣ и другимъ частямъ свѣта. Особенно ему хотѣлось направить россіянъ въ Японію, которой онъ очень увлекался.

Блестящій лекторъ, А. Н. сразу обратилъ на себя вниманіе и привлекъ къ себѣ симпатіи студентовъ. Скоро онъ дѣлается однимъ изъ любимѣйшихъ лекторовъ молодежи, не только университетской, но и другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ на своихъ публичныхъ лекціяхъ, которыя онъ часто устраивалъ, онъ излагалъ предметъ не только краснорѣчиво, но и общедоступно.

Съ теченіемъ времени А. Н. втягивается въ общественную жизнь города и дѣлается членомъ разныхъ обществъ, организацій, а также желательнымъ и постояннымъ членомъ многихъ домашнихъ кружковъ въ городѣ. Городская жизнь съ ея повседневными интересами постепенно засасываетъ его. Но ботаникъ и путешественникъ въ немъ сидѣлъ крѣпко и доминировалъ

Бывшій домъ А. Н. Краснова въ Харьковѣ (уголъ Бассейной ул. и Пушкинской; въ настоящее время онъ надстройкой превращенъ въ 3-хъэтажный—д. Дьякова).

надъ всѣмъ остальнымъ. Ему удастся оторваться отъ Харькова, собрать средства и уѣхать на Яву, Индію, Японію, Китай, Амуръ, Сахалинъ и др., чтобы собрать необходимый матеріалъ для своей новой кафедры.

Закончивши эти работы, онъ началъ мечтать о реализаціи такого уголка (Мои герос, какъ онъ говорилъ), гдѣ можно было бы культивировать растенія, по возможности, всего міра. Его выборъ палъ на Сочинскій районъ Кавказскаго побережья,

съ которымъ онъ познакомился во время своихъ экскурсій со студентами. Въ то время на Кавказѣ работалъ г. Абаза—энергичный дѣятель, взявшійся за устройство этого исключительнаго по природнымъ условіямъ и въ то же время заброшеннаго или забытаго края. Абаза оцѣнилъ намѣренія А. Н. и предоставилъ ему одинъ изъ побережныхъ, наиболѣе защищенныхъ культурныхъ участковъ Сочинскаго района, приблизительно десятины въ 10—12.

Когда я увидалъ въ первый разъ этотъ участокъ, онъ мнѣ напомнилъ рассказы Маинъ-Рида, Фенимора-Купера про дикіе американскіе лѣса. Дѣйствительно, весь участокъ представлялъ собою мѣстность изъ бугровъ и овраговъ, покрытыхъ лѣсомъ, обвитымъ плющемъ и ліанами до самой вершины; внизу мелкіе колючіе кустарники, сплошь покрытые гигантскими кустами ежевики. Достаточно сказать, что я затратилъ 4 часа времени, чтобы съ двумя рабочими, вооруженными необходимыми инструментами, пробиться на протяженіи полутора саженъ къ морю.

Черезъ два года послѣ того я гулялъ уже въ томъ же мѣстѣ по культурнымъ дорожкамъ и любовался какъ бы перенесенными изъ Японіи живописными уголками съ типической экзотической растительностью, частью вновь насаженной, частью искусно созданной изъ мѣстной флоры. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ А. Н. сумѣлъ создать культурный уголокъ, который пріѣзжали осматривать всѣ желающіе познакомиться съ краемъ и съ тѣмъ, что онъ можетъ дать.

Задаваясь какой либо-цѣлью, А. Н. все остальное приносилъ въ жертву занимавшей его идеи. Какъ образецъ безпримѣрнаго увлеченія идеей, охватившаго его въ данный моментъ, я не могу не сообщить объ одномъ случаѣ въ жизни А. Н. Въ періодъ обработки своей докторской диссертациі А. Н. ѣздилъ работать на островъ Яву и другіе сосѣдніе острова Индійскаго Архипелага. На эту поѣздку онъ получилъ субсидію отъ Географическаго Общества, но главные ресурсы для поѣздки А. Н. рассчитывалъ получить отъ Университета изъ причитающагося ему содержанія за полугодовой періодъ его путешествія. Конечно, расчетъ А. Н. оказался мало соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и онъ скоро остался безъ копѣйки и сталъ бомбардировать своихъ друзей и знакомыхъ просьбами о ссудѣ. Но особенно въ затруднительное положеніе попалъ А. Н. на обратномъ пути въ Россію. У него достало средствъ на дорогу только до Мадагаскара, гдѣ онъ и долженъ былъ оставить пароходъ.

На его мѣстѣ всякій другой оказался бы въ критическомъ положеніи, но А. Н. оказывался во всѣхъ случаяхъ истиннымъ путешественникомъ. Въ ожиданіи присылки средствъ имъ были прочитаны популярныя лекціи мадагаскарцамъ, а затѣмъ приняты поѣздки по острову для ознакомленія съ краемъ, населеніемъ и его жизнью, что также послужило матеріаломъ для публичной лекціи по возвращеніи его въ Харьковъ.

Увлечшись идеей собрать растительность всего земного шара, которая могла бы быть культивируема въ Сочинскомъ районѣ, онъ не щадилъ средствъ, даже когда ихъ не имѣлъ, что всегда заканчивалось для него неприятымъ послѣдствіемъ. Попадая въ затруднительное матеріальное положеніе, А. Н. долженъ былъ искать выходъ въ побочномъ заработкѣ, и въ такихъ случаяхъ брался за перо. Тогда дни, недѣли были посвящены только писанію; весь домъ превращался въ канцелярію, гдѣ переписывались его исписанные словно гіероглифами листы. Едва ли А. Н. имѣлъ возможность хорошо проредактировать свои произведенія. Побуждаемый, съ одной стороны, кредиторами, съ другой—издателями, у которыхъ онъ впередъ бралъ въ счетъ работы, А. Н. работалъ наспѣхъ. Послѣднее обстоятельство сильно вредило ему. Обиліе кредиторовъ было частью причиной и многочисленныхъ публичныхъ лекцій.

Съ А. Н. пріятно было проводить время. Высказывался онъ всегда откровенно, и ясно и краснорѣчиво излагалъ свою мысль. Говорилъ всегда убѣжденно, но въ его рѣчи всегда чувствовалось увлеченіе и болѣе картинное изображеніе событій и обстоятельствъ, чѣмъ реальное описаніе точныхъ фактовъ. Обладая громадной мнемонической и зрительной памятью, при чемъ во время путешествій онъ запечатлѣлъ въ мозгу массу образовъ, А. Н. естественно, не могъ не приводить сравненій, сопоставленій и картиннаго изображенія событій. Онъ любилъ говорить, увлекался самъ и увлекалъ своего слушателя, забывая нерѣдко реальную обстановку. Были случаи, на примѣръ, когда А. Н. забывалъ, что онъ не брадобрѣй и изрѣзывалъ себѣ лицо, чтобы явиться на лекцію или же къ знакомымъ джентельменомъ. Или забывалъ, что онъ не садовникъ и самымъ безжалостнымъ образомъ пересаживалъ лѣтомъ цѣнныя растенія съ одного мѣста на другое въ Сочинскомъ участкѣ. Правда, тамъ такой благодатный климатъ для растеній, что и такія операціи не давали плохихъ результатовъ. Его забывчивость сильно запутывала и денежныя дѣла.

Къ счастью, подобныя огорченія не удручали А. Н. и не повергали въ уныніе. Онъ скоро забывалъ о непріятностяхъ и вновь увлекался идеей. Часто нѣкоторыя его мечты казались странными, но затѣмъ постепенно онѣ разрабатывались и проводились имъ въ жизнь наперекоръ житейскимъ разсужденіямъ и практическимъ соображеніямъ. На развитіе Сочинскаго района А. Н. оказалъ большое вліяніе: онъ постоянно писалъ о немъ статьи въ періодической печати, возбуждая интересъ къ новому краю; принималъ участіе въ мѣстныхъ обществахъ, которыя знакомилъ съ культурою новыхъ растений; дѣлалъ доклады; устраивалъ выставки въ Петроградѣ и т. д. Послѣ же поѣздки на востокъ съ комиссіей для изученія культуры чая и перевозки чайнаго кустарника въ Россію—А. Н. усиленно агитировалъ за признаніе кавказскаго побережья жемчужиной Россіи, природной для культуры двѣнадцати даровъ востока. Такъ А. Н. называлъ чай, мандарины, хинное дерево, лаковое дерево, пататы, бамбукъ и др. растенія, которыя по его заключенію могли быть культивируемы въ разныхъ мѣстахъ побережья, особенно въ Батумской области.

На своемъ участкѣ А. Н. культивировалъ много новыхъ растеній; черезъ два, три года хозяйничанія онъ уже угощалъ насъ чаемъ, приготовленнымъ у себя дома, мандаринами, сорванными съ вѣтокъ, потатами съ пріятнымъ вкусомъ сладковатаго картофеля, японскими сливами, росшими по стѣнамъ дома, съ невѣроятно вязущимъ вкусомъ, японскими овощами и зеленью, смирнскими дынями и т. д.

Какъ ни увлекался А. Н. краемъ, малярія, который болѣлъ онъ самъ, а особенно сильно страдали члены его семьи, заставила его покинуть Сочинскую область, перебраться и прочнѣе обосноваться въ г. Харьковѣ.

Но городъ никогда не нравился А. Н. своею жизнью и общественною дѣятельностью. Тѣмъ не менѣе А. Н. внесъ много труда, энергіи и знанія дѣла въ жизнь Харькова: онъ привелъ въ благоустроенный видъ такъ-наз. Университетскій садъ, принималъ выше описанное дѣятельное участіе въ организаціи и веденіи курсовъ для рабочихъ, былъ гласнымъ думы, читалъ безконечное количество популярныхъ лекцій, кажется, для всѣхъ благотворительныхъ обществъ города и т. д.

Въ Харьковѣ А. Н., однако, жилъ лишь до окончанія службы, и какъ только представилась возможность оставить каменные стѣны, вырваться на просторъ воздуха и свѣта, А. Н. уже больной съ разстроеннымъ здоровьемъ, снова воспрянулъ духомъ и устре-

жился въ Батумскую область, чтобы создать тамъ акклиматизаціонный участокъ для растительности всего міра. Большая отвѣтственная работа, интересная какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, къ сожалѣнію, не была имъ закончена. Война застала А. Н. за границей, куда онъ уѣхалъ подлечить свое разстроенное здоровье. Длинный переѣздъ по морю на обратномъ пути, долгое задержаніе въ Дарданеллахъ, подъ направленными на пароходъ турецкими пушками, въ конецъ расшатали нервную систему. А. Н. боялся возвратиться въ Батумъ, когда началась уже война въ Турціи, считая его ловушкой для всѣхъ живущихъ тамъ русскихъ, тѣмъ не менѣе поѣхалъ туда. Предчувствіе оправдалось—онъ больше оттуда не возвратился.

Память объ А. Н. для всѣхъ, ближе его знавшихъ, безъ сомнѣнія, дорога, какъ о мягкомъ, добромъ человѣкѣ, любовно относившемся ко всѣмъ и всему окружающему. Онъ охотно помогалъ нуждающимся, поддерживалъ болѣе способныхъ, талантливыхъ слушателей рабочихъ курсовъ; мальчиковъ, которыхъ бралъ къ себѣ ухаживать за оранжереей, воспитывалъ, обучалъ и помогалъ имъ дать законченное образованіе. У А. Н. всегда были на попеченіи молодые люди, которые при его помощи старались выбиться къ свѣту¹⁾. Съ громаднымъ запасомъ работоспособности, жизнерадостности, какой-то потенціальной энергіи и полной готовности подѣлиться, какъ бы перелить въ другого запасъ своего интеллекта, А. Н. невольно привлекалъ къ себѣ симпатіи всѣхъ кому приходилось ближе приходить съ нимъ въ соприкосновеніи и ближе знакомиться съ интимной стороной его дѣятельности и жизни. Про него можно съ полнымъ правомъ сказать, что онъ былъ свѣтлымъ явленіемъ въ жизни русскаго общества.

Д. Коневъ.

¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень часто дѣлался жертвой и эксплуатаціи.